

Кульτ мощей Даниила Переславского
во второй половине XVII в.
и его визуальное оформление

Людмила Б. Сукина

*Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия, lbsukina@gmail.com*

Аннотация. В статье поклонение мощам, распространенное на Руси с первых веков ее христианизации, рассматривается как механизм, способствующий трансформации иеротопии и развитию образной среды интерьера храма. Наблюдения и выводы автора основываются на изучении письменных источников и артефактов, связанных с почитанием останков преподобного Даниила Переславского в Троицком Даниловом монастыре Переславля-Залесского во второй половине XVII в. В исследовании показано, как развитие культа игумена-основателя монастыря стало третьим элементом, определившим, наряду с сохранившимися свое значение культами Троицы и Иоанна Крестителя, сакральную и образную структуру внутреннего пространства главного монастырского храма – Троицкого собора. Об этом свидетельствуют композиции фрескового ансамбля основного объема этого церковного здания и новых иконостасов центральной части и северного придела, появившихся благодаря поступававшим в монастырь средствам от паломничеств к мощам преподобного Даниила. Образ самого святого занял заметное место в визуальной среде храма: он многократно воспроизведен разными художественными средствами (в стенописи, иконописи, книжной миниатюре), выделен местоположением и посредством других приемов, которые также анализируются в статье. Особая роль отводилась находившемуся в северном приделе собора надгробному комплексу преподобного, который, как можно судить по описям храмового имущества, был обустроен характерным для того времени образом и кроме мощей включал, возможно, старейшую монастырскую икону Даниила Переславского и комплект покровов на гробницу.

Ключевые слова: Россия XVII в., иеротопия храма, кулът мощей, визуальное оформление, Даниил Переславский

Для цитирования: Сукина Л.Б. Кулът мощей Даниила Переславского во второй половине XVII в. и его визуальное оформление // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2026. № 1. С. 94–109. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-94-109

The veneration of the relics
of St. Daniel of Pereslavl-Zalessky
in the second half of the 17th century
and its visual design

Liudmila B. Sukina

*The Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky,
Russia, lbsukina@gmail.com*

Abstract. The article considers the veneration of relics which has been widespread in Old Russia since the first centuries of its Christianization, as a mechanism that facilitates the transformation of hierotopy and the development of the figurative environment of the church interior. The author's observations and conclusions are based on the study of written sources and artefacts associated with the veneration of the remains of St. Daniel of Pereslavl in the Trinity and St. Daniel Monastery of Pereslavl-Zalessky in the second half of the 17th century. The study shows how the development of the veneration of the abbot-founder of the monastery became the third element that determined, along with the cults of the Trinity and St. John the Baptist, which retained their significance, the sacred and figurative structure of the interior space of the main monastery church, Trinity Cathedral. It is evidenced by the compositions of the fresco ensemble of the main volume of this church building and the new iconostases of the central part and the northern aisle, which was built thanks to the funds received by the monastery from pilgrimages to the relics of St. Daniel. The image of the saint himself occupied a prominent place in the visual environment of the church: it was repeatedly reproduced by various artistic means (in murals, icon painting, book miniatures), highlighted by location and other techniques, which are also analyzed in the article. A special role was given to the tomb complex of the saint, located in the northern aisle of the cathedral, which as can be judged from the inventories of the church property was arranged in a manner typical of that time and, in addition to the relics, included perhaps the oldest monastery icon of St. Daniel and a set of tomb covers.

Keywords: Russia in the 17th century, temple hierotopy, cult of relics, visual design, St. Daniel of Pereslavl-Zalessky

For citation: Sukina, L.B. (2026), "The veneration of the relics of St. Daniel of Pereslavl-Zalessky in the second half of the 17th century and its visual design", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 1, pp. 94–109, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-94-109

Поклонение реликвиям, в частности, мощам святых было одним из самых мощных религиозных механизмов, способствовавших развитию образной среды средневековой культуры как в восточ-

ном, так и в западном христианстве. Эта проблема давно интересует ученых, но особенно важные наблюдения и выводы были сделаны в последние десятилетия. Наибольшее значение для нашего исследования имеют работы Дж. Бентли и Дж. Дилленбергера [Bentley 1985; Dillenberger 1999]. Изучению вопроса реликвий в православии посвящены два сборника (первый составлен из научных статей, второй – из публикаций письменных источников), изданных под редакцией А.М. Лидова [Восточнохристианские реликвии 2003; Реликвии Византии и Древней Руси 2006]. Итальянский историк Р. де Антига в своих многолетних исследованиях убедительно показал, как перемещение мощей и их частиц из Византии в Венецию превратило этот город в специфическую сакральную территорию и способствовало ее культурному расцвету в эпоху Возрождения и раннее Новое время [Антига де 2021]. Можно привести в пример и множество других публикаций, затрагивающих более частные вопросы связи реликвий и изображений.

На Руси особую роль мощей в повышении духовного статуса храмового пространства осознавали с первых лет христианизации. Известно, что для строящейся в Киеве Десятинной церкви были специально доставлены из Корсуня останки чтимых в восточнохристианском мире святителей Климента, папы Римского, и его ученика Фива¹. В последующее время русские храмы обзаводились не только привозными реликвиями такого рода, но и мощами местных праведников. Вокруг них выстраивались специальные ритуалы, а для сбережения и сохранения создавались сложные надгробные комплексы [Сукина 2024]. К сожалению, интерьеры и даже отдельные элементы убранства древнерусских храмов сохранились, в основном, фрагментарно и дают мало пищи для разговора о влиянии мощей на формирование образной среды. Более продуктивны наблюдения, объектами которых выступают внутренние пространства русских церквей, сложившиеся в XVII в. От этого столетия дошли не только обширные и сохранные комплексы стенных росписей, целые иконостасы и множество отдельных икон, но и церковная утварь, богослужебные книги и т. п. Кроме того, многие особенности и детали храмовых интерьеров того времени зафиксированы в письменных источниках, особую ценность среди которых в рамках нашей проблематики представляют описи церковных зданий и имущества. К примеру, обращение к ним позволило А.Г. Мельнику представить убедительную реконструкцию состава многих надгробных комплексов русских святых в XVII в.

¹ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2000. С. 354.

[Мельник 2023]. В данной статье, используя комплексный подход к ретроспективному изучению интерьера конкретного храма, мы попробуем показать, что специфика культа мощей святого в определенной эпоху влияла не только на оформление гробницы, но и на формирование образной структуры всего внутреннего церковного пространства. Предметом нашего исследования будет иеротопия Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском, сложившаяся во второй половине XVII в. в контексте почитания преподобного Даниила Переславского.

Кульτ мощей Даниила Переславского в Троицком Даниловом монастыре

Троицкий Данилов монастырь был основан на юго-восточной окраине Переславля-Залесского архимандритом митрополичьего Успенского Горицкого монастыря Даниилом (ок. 1460–1540) в 1508 г. Даниил Переславский известен в русской истории как один из восприемников от купели будущего царя Ивана IV и его младшего брата, князя Юрия Васильевича, а также как наставник московского митрополита Афанасия. Свидетельством его тесной связи с московской великокняжеской семьей было строительство при нем в Троицком монастыре сразу двух каменных храмов – Троицкого собора и церкви Похвалы Богородицы. Последнюю часть жизни Даниил провел в основанной им обители, став ее игуменом, а после кончины его погребли у северной стены Троицкого собора². Местное почитание преподобного началось почти сразу же после этого. Его могилу посещал царь Иван Грозный во время богомольных поездок в Переславль-Залесский. По распоряжению переславского наместника у гроба Даниила служили панихиды, над ним соорудили «надгробницу входную плинфяную» (что-то вроде небольшого кирпичного мавзолея), а на надгробную плиту положили шитую плащаницу³. Развитие культа было прервано в Смутное время. Монастырь разорили и сожгли тушинцы. Вероятно, при этом пострадал и погребальный комплекс Даниила. Всю первую половину XVII в. монастырь бедствовал и не мог восстановить прежний образ жизни. Благоприятный поворот в его судьбе произошел с

² Подробнее о Данииле Переславском см.: Горикова В.В., Сукина Л.Б. Даниил // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 14. С. 56–61.

³ Смирнов С.И. Житие прп. Даниила, Переславского чудотворца: Повесть об обретении мощей и чуда его М., 1908. С. 74.

обретением мощей Даниила Переславского, которое случилось 17 ноября 1652 г. при попытке привести в порядок место захоронения святого. В конце декабря того же года по распоряжению патриарха Никона останки преподобного были освидетельствованы митрополитом Ростовским и Ярославским Ионой (Сысоевичем), архимандритом Горицкого монастыря Ермогеном, архимандритом Данилова монастыря Тихоном и др. В «Отписке» об этом событии архимандрита Тихона патриарху особо подчеркивалась целостность мощей: «...и мощи, государь, преподобного Чудотворца игумена Даниила лежать вкупуѣ, а одежда, государь, на немъ иноческая, обвить мантию и спеленанъ плетцами, а на главѣ куколю; и та, государь, одежда поветчала»⁴. То, что останки под одеждой представляли собой полустлевшие кости, по-видимому, значения не имело, и потому в «Отписке» не отмечено. В это время русская церковь стремилась к унификации обрядов и взглядов на реликвии и святыни с «греческими» церквями, где существовала иная, по сравнению с древнерусской традицией, точка зрения на мощи, и нетленность тела умершего считалась скорее признаком греховности, а не святости [Успенский 2014, с. 46–56]. Более важным казалось то, что мощи Даниила являлись источником засвидетельствованных чудес⁵. Они были признаны истинными, и грамотой 1653 г. патриарх установил праздновать день преставления преподобного и день освидетельствования его мощей⁶. В том же году над погребением Даниила был освящен северный (временный) придел Троицкого собора, а через несколько лет на этом же месте на средства паломников построили новый (постоянный) придел, который освятили в 1660 г. (он сохранился до наших дней) (ил. 1). В нем в специально устроенной раке и находились мощи святого.

В цитированной выше «Отписке» архимандрита Тихона патриарху Никону подчеркнута, что в монастыре и до этого существовали все необходимые для организации местного культа преподобного Даниила атрибуты: «изстари» написанный иконный образ (по-видимому, надгробный), а также весь комплекс богослужебных текстов, включавший канон, тропарь, житие и «стихеры»⁷. Но что кон-

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи, археографической экспедицией Имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 4. № 330. С. 493.

⁵ Там же.

⁶ *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев посад, 1908. Дополнения. С. 10.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... С. 493.

кретно имел в виду архимандрит Данилова монастыря, составляя этот перечень, ныне не ясно. До нас дошли списки четырех редакций жития Даниила Переславского, составленных в XVI–XVII вв. При этом в Трефологионе, изданном в Москве в 1638 г., служба святому отсутствует, не обнаружены и ее рукописные варианты раннего времени (она известна только в более поздних редакциях XVIII–XIX вв.)⁸. Иконы, написанные до обретения мощей преподобного, не сохранились. Мы не можем судить о том, не содержал ли текст «Отписки» сознательных преувеличений, касающихся деталей поддержания культа основателя Данилова монастыря, но то, что братия и настоятель обители были серьезно заинтересованы в его официальном утверждении и дальнейшем развитии, несомненно. Письменные и визуальные источники второй половины XVII в. свидетельствуют, что после обретения и освидетельствования мощей этот культ вышел на совершенно новый уровень и повлиял на форматирование образной среды главного монастырского храма – Троицкого собора.

Ил. 1. Троицкий собор 1530–1532 гг. Данилова монастыря в Переславле-Залесском с приделом Даниила Переславского (на фото – одноглавая, с одной абсидой пристройка справа от основного объема храма) 1660 г.

Фото автора

⁸ Подробнее см.: Горшкова В.В., Сукина Л.Б. Указ. соч. С. 56–57, 60.

Образ преподобного Даниила и трансформация иеротопии Троицкого собора во второй половине XVII в.

Троицкий собор был построен при жизни Даниила Переславского в начале 1530-х гг. на средства великого князя Василия III, по-видимому, в благодарность за молитвы преподобного о рождении княжича Ивана Васильевича – будущего царя Ивана Грозного. Главным храмовым культом было почитание Пресвятой Троицы, что должно было сказываться на композиции иконостаса и подборе сюжетов других иконных образов и предметов декоративно-прикладного искусства, присутствовавших в интерьере. Вторым по значению был культ Иоанна Крестителя, тезоименитого наследнику великокняжеского престола Ивану Васильевичу. Этому святому был посвящен придел, организованный в юго-восточной абсиде. Сразу же отметим, что эти два культа сохранили свою роль в иеротопии Троицкого собора и в последующее время. Мы не будем останавливаться на этом вопросе, так как уже рассматривали его ранее [Сукина 2002], а сосредоточимся на тех изменениях, которые последовали за «открытием» мощей игумена-основателя обители.

Более века храм стоял без росписи и, судя по всему, не имел заметных святынь: по крайней мере, таковые нигде не упоминаются. Интерьер собора сильно пострадал в Смуту, поэтому в середине XVII в. речь шла не столько о его восстановлении, сколько о создании заново⁹. В это время только что обретенные мощи Даниила стали главной реликвией храма, и это дало новый идейный импульс формированию его образной среды. Прославление основателя обители привлекло к ней внимание знатных и состоятельных вкладчиков, и на протяжении нескольких десятилетий интерьер главного собора получил фресковую роспись высокого художественного качества, новый иконостас с большим количеством икон, пополнился произведениями шитья и ювелирного искусства, рукописными и печатными книгами. Все эти разнообразные элементы объединяли не только образы Троицы и Иоанна Крестителя, но и образ преподобного Даниила, впервые в это время многократно повторенный на фресках, иконах, предметах прикладного искусства, книжной миниатюре.

⁹ Попытка реконструкции архитектурно-пространственной структуры интерьера собора в XVI в. была предпринята А.Г. Мельником на основе натуральных наблюдений и сопоставления с другими храмами той же эпохи. См.: Мельник А.Г. Интерьер собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском // Памятники истории, культуры и природы Европейской России: Тезисы докладов V Всероссийской научной конференции. Н. Новгород, 1994. С. 121–122.

Ил. 2. Фрагмент интерьера Троицкого собора Данилова монастыря с фресковой росписью артели Гурия Никитина 1662 и 1668 гг. Видны некоторые сцены цикла Апокалипсис на западной стене и изображения князя Федора Ярославского с сыновьями Давилом и Константином на столпе.

Фото автора

Приток средств от вкладчиков и паломников позволил монастырю заказать *роспись интерьера* Троицкого собора. Эту работу в два этапа (1662 и 1668 гг.) выполнила артель костромских мастеров во главе с Гурием Никитиным (Кинешемцевым). Программа фрескового комплекса была во многом связана с особенностями подвига преподобного Даниила: ее сквозными темами стало божественное домостроительство (построенная на ассоциациях не только с сюжетами Книги Бытия, но и со сравнительно недавними историческими событиями – основанием монастыря и возведением собора) и эсхатология (Данилова обитель была создана на скудельницах – кладбище с общими могилами для умерших внезапной смертью без церковного покаяния) (ил. 2). Сейчас мы не станем подробно рассматривать эти проблемы, так как в свое время уже обращались к ним [Сукина 2002]. Еще одна особенность программы росписи Троицкого собора – обилие изображений (в алтаре и на опорных столпах основного объема храма) русских святых, особенно региональных, прославляемых в Ростовской мит-

рополии и Переславле-Залесском¹⁰. В составе фрескового комплекса сохранилось и одно из древнейших изображений самого Даниила Переславского (ил. 3). Ростовой образ святого помещен в нижнем ряду северо-западного столпа. Даниил облачен в коричнево-вишневую мантию, охристую рясу, подпоясанную желтым поясом с вишневым орнаментом, зеленовато-синий параман. В левой руке преподобный держит развернутый свиток (ил. 4). На трех других гранях того же столпа представлены преподобные Никита Переславский, Иоанн Лествичник и Симеон Столпник. Их образы олицетворяют важные стороны монашеского подвига Даниила: подобно Иоанну Лествичнику он учил братию монашескому служению и спасению души и был склонен к крайним формам затворничества и уединения, как Никита Переславский и Симеон Столпник (об этом мы еще упомянем в конце статьи).

Ил. 3. Фрагмент интерьера Троицкого собора Данилова монастыря с фресковой росписью артели Гурия Никитина 1662 и 1668 гг.

Видны композиции в барабане и на сводах,
некоторые сцены Троичного цикла на северной стене
и изображение Даниила Переславского на дальнем столпе.

Фото автора

¹⁰ Переславль-Залесский и уезд в плане церковной юрисдикции относились тогда к патриаршей области. Изображения чтимых в Ростовской митрополии святых, по-видимому, были обусловлены тем фактом, что в прославлении Даниила активное участие принимал Ростовский митрополит Иона (Сысоевич), опекавший по поручению патриарха эту часть владений первосвятительского престола.

*Ил. 4. Гурий Никитин с артелью.
Даниил Переславский.
Фреска северо-западного столпа
Троицкого собора. 1668 г.
Фото автора*

Судьба Данилова монастыря в советское время сложилась таким образом, что до нас не дошли *иконы* Троицкого собора и его придела (что с ними произошло, точно неизвестно). Но о том, что в храме было несколько иконописных изображений Даниила Переславского, мы знаем по описям монастырского имущества начала 1670-х гг. и 1701 г.¹¹ В первой из них интересующие нас артефакты охарактеризованы более подробно, поэтому мы будем ориентироваться преимущественно на нее. Судя по данным этого источника, в основном храме было две иконы Даниила Переславского. Главный образ преподобного находился в северной части местного ряда иконостаса («против леваго крылоса»). Это была житийная икона, с изображениями по вызолоченному фону («на золоте»). В описании отмечено, что образ относился к «ветхим» – вероятно, он принадлежал к числу тех, что имелись в монастыре еще до обретения мощей преподобного. Об особом почитании этой иконы свидетельствуют ее дополнительные ценные украшения: у центрального образа преподобного были венец и цапа из белого серебра с «резным» (чеканным и/или просечным) орнаментом; у ангелов, из написанной над головой Даниила композиции Троица, – венчики из золоченого серебра, также «резные». Кроме того, упомянутая выше цапа была обнизана золочеными копейками. Описаны и два драгоценных привеса к иконе: каменная (с неназванным изображением) и костяная (с изображением Николая Чудотворца) панагии, обложенные сере-

¹¹ *Добропоров В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря. Дополнения. С. 107–112; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 60. Л. 358–597.

бряной сканью и украшенные пятью жемчужинами каждая. У иконы имелась еще и подвесная шитая пелена, сюжет которой (если изображение на ней было сюжетным), к сожалению, не упомянут¹². Вероятно, это та же самая пелена, которая три десятилетия спустя была описана как «отласная вишневая опушена тафтою желтого ветха»¹³. Рядом с левым клиросом находилась еще и хоругвь, где на «одной цке» были написаны образы Троицы и преподобного Даниила Переславского «на золоте»¹⁴. Вторая икона святого находилась за правым клиросом – в описях ее точное место не локализовано. Это было одиночное изображение Даниила в рост. Образ преподобного украшали серебряные золоченые венец и цата¹⁵.

Благодаря тем же описям мы вполне уверенно можем рассуждать и о роли культа мощей игумена-основателя монастыря в формировании образной среды северного (надгробного) придела Троицкого собора. Местный ряд его иконостаса состоял из икон святой Троицы и Иоанна Предтечи (вторивших посвящению главного собора и его южного, алтарного, придела), а также Никиты Переславского (единственного из местных святых, имевшего общерусское почитание) и Даниила Переславского. Важнейшую сакральную роль последней иконы, тоже житийной, как и в главном иконостасе, здесь также подчеркивало ее исключительное убранство, еще более роскошное. Образ находился под басменным серебряным золоченым окладом. «Резные» венец и цата у центрального изображения были также вызолочены. Цата унизана золочеными копейками. Серебряные «резные» венчики числом 32 штуки имелись у изображений святых в клеймах. Привесы к иконе были еще более разнообразны: маленькая серебряная «гривенка» (брусочек серебра, который тогда использовали для чеканки монет); обложенные серебром резной костяной крест, резной деревянный крест, каменный крест из аспиды (шунгита), на ветвях которого были закреплены четыре «королька» (по-видимому, кабошоны особо ценившегося красного коралла); панагия из горного хрусталя, также обложенная серебром с четырьмя камешками, порода и ценность которых не указаны¹⁶.

В приделе с правой стороны возле иконостаса находился надгробный комплекс Даниила Переславского. Рака с мощами

¹² *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря. Дополнения. С. 108.

¹³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 60. Л. 367 об.

¹⁴ Там же. Л. 376.

¹⁵ *Добронравов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря. Дополнения. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 111–112.

преподобного тогда была деревянной, обтянутой темно-вишневой камкой. В описи 1670-х гг. указано, что писанный красками надгробный образ Даниила уже тогда был «ветх», то есть ему, вероятно, насчитывалось уже несколько десятков лет. Он был убран серебряным незолоченным («белым») венцом с тремя какими-то камешками и басменной золоченой цатой из серебра. Описаны также два покрыва на раку святого. Один из них лицевой с летописью по периметру. Изображение Даниила на нем шито шелковыми, золотной и серебряной нитями. Шитые нимб святого, образ Троицы над его головой и крест в руке обнизаны по контурам жемчугом. Второй покров был изготовлен из зеленого рытого бархата с мелкотравчатым орнаментом и декорирован серебряным крестом вероятно, сканным («круживной кованой» – на языке составителя описи). Около гробницы были установлены железная луженая решетка и медная луженая лампада на железном подсвечнике¹⁷. Все эти элементы надгробного комплекса не сохранились¹⁸.

Опись позволяет установить примерное время создания интерьера придела, которому в ней дана столь подробная характеристика. В конце ее текста говорится, что это «место» в церкви у чудотворца Даниила было переделано («вновь построено») при архимандрите Гурии (Ярославце), который возглавлял Данилов монастырь в 1670–1673 гг. Тогда же были написаны и новые иконы для ее иконостаса¹⁹. К сожалению, последние листы описи полностью не сохранились, и мы не можем судить в деталях о том, кем, когда и как был переоборудован надгробный комплекс преподобного.

Опись 1701 г. свидетельствует о том, что в последующие годы надгробный комплекс снова переделывали. К тому времени рака была обита уже «отласом китайским лазоревым золотным». На надгробной иконе появился серебряный золоченый венец (возможно, был вызолочен прежний). Над ракой соорудили деревян-

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ Покров XVII в., хранящийся в Переславль-Залесском музее-заповеднике, который в музейных инвентарных документах и каталогах связывается с ракой Даниила Переславского, в действительности не принадлежал его надгробному комплексу, так как относится к другому святому – Антонию Свирскому. Об этом свидетельствует иконография изображенного и текст «летописи» на кайме. Атрибуции этого произведения русского средневекового шитья мы посвятим отдельную публикацию, так как этот любопытный и запутанный сюжет «подмены» реликвий выходит за рамки проблематики данной статьи.

¹⁹ *Доброправов В.Г.* История Троицкого Данилова монастыря. Дополнения. С. 112.

ную сень, на барочный манер украшенную золоченой флемской («флямовой») резьбой, с витыми столпами и капителями. Поверху сени были закреплены резные золоченые рамы-клейма с писанными на холсте образами Спаса, Богородицы, Иоанна Крестителя, архангела Гавриила и преподобного Даниила Переславского²⁰.

Ил. 5. Заставка с изображением Даниила Переславского в Синодике Троицкого Данилова монастыря. Неизвестный ярославский мастер книжной миниатюры. 1672/1673 г. Переславль-Залесский музей-заповедник. ПЗМ–4288. [Л. 23 второй пагинации]

С именем упомянутого ранее архимандрита Гурия связано также создание нового списка Синодика Троицкого собора Данилова монастыря²¹. Гурий был вкладчиком этой рукописи вместе с посадским человеком, переславцем Федотом Мартьяновым сыном Шамаханским²². Книга богата украшена – в ней 74 миниатюры и несколько заставок-рамок гротескового орнамента и заставок старопечатного стиля (подробнее см.: [Сукина 2023]). Но из внесенных в нее родов знати и духовенства художественными средствами

²⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 60. Л. 403.

²¹ Переславль-Залесский музей-заповедник. ПЗМ–4288.

²² Там же. Лист без первой пагинации и об. (Л. 23–23 об. второй пагинации).

выделено только поминание рода Даниила Переславского. В эту запись включены и имена его учеников – видных духовных деятелей XVI в. В верхней части листа с поминанием Даниила помещена заставка старопечатного стиля, в центре которой находится медальон с ростовым изображением святого, написанным акварелью (ил. 5).

* * *

Итак, открытие мощей Даниила Переславского оказало важное влияние на формирование новой иеротопии Троицкого собора Данилова монастыря во второй половине XVII в. Наряду с традиционно сохраняющимся почитанием Троицы и Иоанна Крестителя, развитие культа игумена-основателя стало третьим элементом, определившим сакральную и образную структуру внутреннего пространства храма. Об этом свидетельствуют композиции фрескового ансамбля основного объема собора и новых иконостасов центральной части и северного придела, появившихся благодаря поступавшим в монастырь средствам от паломничеств к мощам Даниила. Образ самого святого занял заметное место в визуальной среде храма: он многократно воспроизведен разными художественными средствами (в стенописи, иконописи, книжной миниатюре), выделен местоположением и с помощью драгоценных предметов, «привешенных» к иконописным изображениям, или выразительным орнаментом в общем объеме книги. Несомненно, особая роль отводилась надгробному комплексу преподобного, который был обустроен характерным для того времени образом и кроме мощей включал, возможно, старейшую монастырскую икону Даниила Переславского и комплект покровов на гробницу.

В эти же десятилетия культ Даниила Переславского вышел за стены собора и нашел свое выражение в иеротопии всей обители в целом. В описи 1701 г. отмечены иконы святого в Покровской и Всехсвятской церквях, первые здания которых тоже были построены при жизни преподобного²³. В южной стене новой каменной Всехсвятской церкви, возведенной в 1687 г. на месте деревянного Даниилова храма того же посвящения, была устроена келья-затвор («склеп»). Она отмечала расположение древнего помещения аналогичной функции, в котором, согласно монастырскому преданию, молился склонный к затворничеству игумен-основатель, слушая церковную службу через специальное оконце, выходящее внутрь церкви²⁴. Но это уже тема другого исследования.

²³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 60. Л. 411 об., 418.

²⁴ См.: История российской иерархии, собранная иером. Амвросием. М., 1815. Ч. 6. С. 446.

Литература

- Антига де 2021 – *Антига Р., де*. Венеция. Гавань Святых / под общ. ред. Ю.Р. Савельева; пер. с ит. О.Э. Цырлиной. СПб.: Алетейя, 2021. 156 с.
- Восточнохристианские реликвии 2003 – Восточнохристианские реликвии = Eastern Christian Relics / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 656 с.
- Мельник 2023 – *Мельник А.Г.* Гробница святого в пространстве русского храма XVII века // Одиссей: Человек в истории. 2023. № 2 (31): История науки. С. 134–162.
- Реликвии Византии и Древней Руси 2006 – Реликвии Византии и Древней Руси: Письменные источники / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 440 с.
- Сукина 2002 – *Сукина Л.Б.* Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском. М.: Северный паломник, 2002. 72 с. (Памятники художественной культуры Древней Руси)
- Сукина 2023 – *Сукина Л.Б.* Синодик Троицкого Данилова монастыря 1672/1673 года – памятник ярославской книжности // Книжная культура Ярославского края – 2022: Сборник статей и материалов XVII научной конференции (Ярославль, 5–6 апреля 2022 г.) / под ред. Н.В. Беловой. Ярославль: Ярославская областная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова, 2023. С. 132–141.
- Сукина 2024 – *Сукина Л.Б.* Древнерусский городской собор: реликварий и некрополь // Восточнославянский город в период Средневековья и Нового времени (к 1050-летию Витебска): Сб. материалов международного круглого стола / отв. ред. А.А. Субботин. Витебск: УО «ВГТУ», 2024. С. 146–151.
- Успенский 2014 – *Успенский Б.А.* Русская духовность и иконопочитание // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М.: Нестор-История, 2014. Вып. 3. С. 38–71.
- Bentley 1985 – *Bentley J.* Restless bones. The story of relics. L.: Constable, 1985. 245 p.
- Dillenberger 1999 – *Dillenberger J.* Images and relics. Theological perceptions and visual images in sixteenth-century Europe. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999. 248 p. (Oxford Studies in Historical Theology)

References

- Bentley, J. (1985), *Restless bones. The story of relics*, Constable, London, UK.
- D'Antiga, R. (2021), *Venetsiya. Gavan' Svyatykh* [Venice. Harbor of Saints], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Dillenberger, J. (1999), *Images and relics. Theological perceptions and visual images in sixteenth-century Europe*, Oxford University Press, New York, Oxford, USA. (*Oxford Studies in Historical Theology*)

- Lidov, A.M., ed., (2003), *Vostochnokhristianskie relikvii* [Eastern Christian relics], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Lidov, A.M., ed., (2006), *Relikvii Vizantii i Drevnei Rusi: Pis'mennye istochniki* [Relics of Byzantium and Old Russia. Written sources], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Mel'nik, A.G. (2023), "The tomb of a Saint in the space of a Russian church of the 17th century", *Odissei: Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History], vol. 31, no. 2, pp. 134–162.
- Sukina, L.B. (2002), *Troitskii sobor Daniloza monastyrya v Pereslavle-Zaleskom* [Trinity Cathedral of the St. Daniel Monastery in Pereslavl-Zalesky], Severnyi palomnik, Moscow, Russia. (*Pamyatniki khudozhestvennoi kul'tury Drevnei Rusi*)
- Sukina, L.B. (2023), "The Synodic of the Trinity and Saint Daniel Monastery 1672/1673's as Yaroslavl booklore monument", in Belova, N.V., ed., *Knizhnaya kul'tura Yaroslavskogo kraia – 2022: Sbornik statei i materialov XVII nauchnoi konferentsii (Yaroslavl', 5–6 aprelya 2022 g.)* [Book culture of the Yaroslavl region – 2022. Collected articles of the 17th Scientific Conference (Yaroslavl', 5–6 Apr. 2022)], Yaroslavskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka imeni N.A. Nekrasova, Yaroslavl, Russia, pp. 132–141.
- Sukina, L.B. (2024), "Old Russian city cathedral. Reliquary and necropolis", in Subbotin, A.A., ed., *Vostochnoslavianskii gorod v period Srednevekov'ya i Novogo vremeni (k 1050-letiyu Vitebska): Sbornik materialov mezhdunarodnogo kruglogo stola* [East Slavic city in the Middle Ages and New Time (on the 1050th anniversary of Vitebsk). Proceedings of the International Round Table], UO "VGTU", Vitebsk, Belarus, pp. 146–151.
- Uspenskii, B.A. (2014), "Russian spirituality and icon veneration", in *Fakty i znaki: Issledovaniya po semiotike istorii* [Facts and signs. Studies in the semiotics of history], Nestor-Istoriya, Mosco, Russia, iss. 3, pp. 38–71.

Информация об авторе

Людмила Б. Сукина, доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский, Россия; 152021, Россия, Ярославская обл., Переславль-Залесский, Вёсково, Петра Первого ул., д. 4 «а»; lbsukina@gmail.com

Information about the author

Liudmila B. Sukina, Dr. of Sci. (History), associate professor, The Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalesky, Russia; 4 "a", Petr Pervyi St., Veskovo, Pereslavl-Zalesky, Yaroslavl region, Russia, 152021; lbsukina@gmail.com